

ЖЕНСКАЯ МАГИЯ

Драматург Мария АРБАТОВА: «Я не Растиньяк, который приехал завоевывать Париж. Я — Париж, который нужно завоевывать!»

Прошло несколько недель, а я никак не могу подойти к компьютеру и повторить, что-то меня не пускает. И я понимаю, что это поезд, который уходит в страшный город, в другую страну, и я ничего не могу поделать.

— Вас не обижает выражение «женская литература» или «дамская пьеса»?

— Обижает. Но это нужно воспринимать иначе. Это язык фаллократического общества. Например, в нашем языке есть учительница и повариха, но нет президентши и министрши. Язык внушает нам

с детства, что среди людей есть первый сорт и есть второй.

При прочих равных данных женщина идет как второй сорт, как пушечное мясо, хотя сейчас в литературе небывалый женский ренессанс.

Женщины — шестидесятницы в литературе — совершенно другой феномен. Это женщины, плохо понимающие, что они женщины. Им приходилось выбирать: или ты — человек, или ты — женщина. Все, что они пишут, — абсолютно бесполо. Вот Лимонов, к которому я отношусь безо всякого энтузиазма, очень точно сказал, что Татьяна Толстая пишет старушечью прозу. Это то, что мы все, боясь нарушения хорошего тона, не могли сказать. Сейчас, конечно, легко говорить о том, что наше поколение — женщины, а их поколение — не женщины. Нет, они, конечно, женщины, но без ощущения собственной цены.

Всех уродовали по-разному. Шестидесятник кастрирован Сталиным, мой ровесник — Брежневым. Каждое поколение должно иметь свое искусство, свой театр. У моего поколения этого нет. Режиссура, которая должна была вырасти вместе со мной, к сожалению, режиссура кастрированная. Мой ровесник не способен ставить про самого себя. Он будет всю жизнь ставить Кафку, Библию. «Раббыню Иззуру», но он боится своих проблем. Поэтому современная режиссура находится сейчас в большом омуте.

Когда мои пьесы ставят мужчины, они их ставят наоборот. До сих пор самым лучшим, сделанным по себе, я считаю фильм Надежды Репиной «Мне не забыть, не простить» по пьесе «Уравнение с двумя неизвестными». Но фильм до сих пор лежит на полке, хотя там блестящие актерские работы и хорошая режиссура.

— Героиня этой пьесы, врач-гинеколог, работает по страшному принципу: аборт только в присутствии мужчины-партнера... Это и ваша точка зрения?

— Без партнера у нас обошлась только дева Мария. Дискуссии о запрещении абортов, об их аморальности кажутся мне очень несерьезными. Если общество признает аборты аморальными, значит, оно должно вводить санкции. Например, соучастник аборта сразу должен выложить штраф. И после этого завтра ни в одной стране не будет абортов, я вас уверяю!

Разговор о несвободе аборта — разговор о несвободе женщины. Она калечит, а ей при этом еще говорят: «Ах ты, мерзавка, убиваешь!». Получается, что даже этот вопрос женщина не способна решить сама. Какой-то дядька будет решать — делать аборт или нет, родить ли ей ребенка, которого она не хочет и не может. Женщина инстинктивно умнее любого парламента, который ей что-то советует. Потому что, если вы заставите ее изменить решение, мне очень жаль ребенка, который родится... И нет на свете женщин, которые не платили бы в своей жизни за аборт.

Эти дискуссии в очередной раз доказывают, что мужчины воспринимают женщину как детородную машину. Идет снижение рождаемости — запретим аборты, и никаких проблем. Но у нас всегда было огромное количество абортов, женщины калечились, но никто об этом не задумывался. Или противозачаточные средства. Появился СПИД — появились презервативы. А что, раньше никто не беременел, не заражался? Просто в индустрии, в культуре развивается то, что удобно мужчине.

— Зато женщины, кажется, решили покончить с семейной жизнью. Существует прогноз, согласно которому семья XXI века — мама и ее ребенок.

— Идея умирания семьи — идея декадентская, способная родиться только в период разлада в обществе. Даже если мать сможет сама прокормить своего ребенка и обойдется без помощи мужа, это все равно ужасно. Дети приобретают качества противоположного пола. Девочка, выросшая с мамой, — девочка мускулинизированная, а мальчик, выросший с мамой, — мальчик кастрированный. Должно быть что-то вроде: мама, ребенок и мамыны бой-френды.

У нас есть тип русской семьи, когда женщина везет на себе все, зарабатывает деньги и при этом умудряется как-то выглядеть. Я прожила в такой семье 16 лет и была очень счастлива. Только в прошлом году, когда дети выросли, я наконец решилась ее разрушить.

...Все-таки любой прогноз о разрушении семьи весьма сомнителен. Если бы в мире существовало что-то сильнее инстинкта продолжения рода, нас бы здесь просто не было.

Похоже, что сексуальная революция начинается закручивать гайки обратно. Наши дети и внуки скоро, видимо, начнут ходить в смокингах, целовать перчатку и класть ее под подушку. Я вижу, что поколение моих детей менее испорченное — тьфу, тьфу, тьфу, — чем наше поколение. Все, что нам было нельзя, им можно. Порнофильм, на который официально можно сходить, — уже не порнофильм.

...МОЯ подруга из Голландии объяснила мне, что у них сейчас существует два типа мужчин. Это «мачо» — самец, всем нам хорошо знакомый, и «ассортиф», что переводится как «разнообразный» и «несебялюбивый». Этот второй тип имеет уже довольно широкое хождение в Европе. Семья должна быть союзом равных, и с таким мужчиной можно попытаться этот союз создать. Я за семью. Но за семью, где не нарушаются права человека.

Вся Европа сейчас мечтает жениться на русских женщинах. Я много спрашивала иностранцев, что же такого необычного они хотят получить от русских. С нашими женщинами они испытывают то, что не способна дать западная женщина, у которой всегда очень четко работает инстинкт самосохранения. Она всегда помнит, что у нее собственный счет в банке. Когда моя лондонская тетюшка (ей сейчас 72 года, а дядюшке 77) призналась мне по секрету, что на ее счету на несколько тысяч фунтов больше, чем у мужа, я чуть не упала в обморок.

Вот за счет нашей нищеты, нашей последней рубашки мы и выигрываем. Когда приезжаешь в Европу, сразу видишь, как катастрофически мало красивых женщин.

Был однажды такой замечательный эпизод. Одна голландская профессорша подходит к моей подруге Лоле и спрашивает: «Чем все-таки ваши женщины отличаются от наших?». Профессорша — в драных джинсах, в майке, а Лола, в кружевах, в фамильных украшениях, отвечает ей: «Вы знаете, ваши женщины очень плохо одеты!».

— У них можно чувствовать себя королевой в лохмотьях, у нас — нищенкой в бархате...

— Наша женщина доведена до ручки — ей дарят розу, и она отдается. «Боже мой!» — думает она. — В этой стране, где меня все и вся унижали, кто-то дарит цветы!».

В среднестатистической женщине заложена программа: выберут ее на танцах или нет. Хотя на самом деле мужчина нуждается в женщине больше, чем она в нем. Поэтому он закладывает в женщину та-

(ОКОНЧАНИЕ НА 8-Й СТ.)

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 5-Й СТ.)

кую программу, чтобы создать отношения раба и господина.

Мужская психология строится по принципу этажерки — две прямые, две параллельные. В юном возрасте он панически боится того, что у него ничего не получится, в среднем возрасте он боится, что соперник окажется счастливее в любви и в работе, а потом опять боится, что ничего не получится.

Укоренившийся в обществе тип красоты — женщина, предлагающая себя мужчине. Тип путаны. Даже телевизионная дикторша садится в кресло перед камерой и вдруг начинает показывать колени, хотя ей за это никто специально не платит. Мне всегда становится ее ужасно жалко. Двадцатый век. По социологии среднестатистическая женщина лучше образованна, эмоционально богаче, воспитывает детей. И еще должна колени показывать!

ЖЕНСКАЯ МАГИЯ

Мужчина беззащитен. его нужно беречь и любить, но очень трудно при отсутствии культуры отношений его холить, лелеять и не давать ходить по себе ногам. Здесь такая тонкая граница, что ее очень сложно очертить. Единственное противодействие — исповедовать по отношению к мужчине то же, что он исповедует по отношению к женщине. На этом мужчины всегда кололись — они не так обязательны.

В свое время в юности у меня были очень большие комплексы. Сейчас, когда вокруг меня сложилась мифология женщины — вамп, мне смешно вспоминать, сколько времени и усилий было когда-то потрачено. Я поняла, что то, что считала борьбой, — на самом деле игра. Я не Растиньяк, который приехал завоевывать Париж, я — Париж, который нужно завоевывать.

У нас нет женщин, которые эталонировались бы как личности. Я вдруг собрала, что видела памятники либо Екатерине, либо Зое Космодемьянской. У меня появилась безумная идея, когда наш феминистский клуб разбогатеет, поставить памятник Цветаевой.

— Большинство сколько-нибудь хороших женщин мечтают ударить отсюда. Кто-то прикрывается «мировой культурой», кто-то — тряпками и хорошей жизнью.

— Мировая культура — это миф. Когда эмигранты начинают канючить «вава, мировая культура» — это прежде всего попытка оправдать себя. Ну, приезжают пять американцев и делают стеклянные дворцы. При их деньгах и у нас будут такие же дворцы. Мое любимое выражение: только Эллочка — людоедка считала, что где-то есть немислимый разврат.

Сегодня очень трудно понять, кто из нас больший совок: те, кто прошел перестроечную жизнь и стал другим, или те, кто все это время отсиживался на Западе и остался в рамках того шаблона, с которым уехал. Разговаривая с одним парижским писателем, я вдруг выяснила, что он не знает фамилии Еременко. Он в ответ

разводит руками — «мы же провинция».

Та дыра, которую они себе создали, страшнее любого железного занавеса. Они сами себя вырезали из пространства, и поэтому, когда приезжают, половина из них кажется вытасченными из психушки. Очень показательный пример Лимонова. Наконец-то мы поняли, что эмиграция — это не шик, а беда.

Человек, связавший себя с эмиграцией, должен закрасить у себя черной краской весь опыт культуры, полученный здесь, а потом долго деформироваться под новую ситуацию. И когда он приходит к 40 годам, ничего не достигнув, он начинает совершать какие-то негеротические телодвижения, искать виноватого.

Я не понимаю, кто кому нужен на Западе. За все время своего вояжа я видела только одного человека, который читал книжку. Это была негрятанка в метро, она читала историю Лаоса. Все остальные с

газетами!

— А что вы читаете?

— Поскольку пресса у нас вся сегодня желтая, то читать ее нельзя. Я читаю только газету «Гуманитарный фонд» и астрологические прогнозы в «МК». У Цветаевой по этому поводу очень хорошо сказано: «Глотатели пустот, читатели газет». Для того чтобы читать газеты, нужно иметь массу времени и совершенно пустую душу.

Я тусовочный человек и принимаю участие подчас в совершенно немислимых проектах. Я состою в левом союзе писателей, в комиссии по драматургии... Моя тусовочность заключается в том, что я принимаю участие в делах, которые без меня никто бы не сделал. И каждый раз я поражаюсь, что из ничего строится какой-то дом, в нем живут люди и радуются.

— Как далеко простираются ваши планы?

— Президентом я становиться не собираюсь. Но если бы у меня вдруг появилась такая безумная идея, я сделала бы феминистскую программу. За меня голосовали бы все женщины и интеллигентные мужчины. Феминизм — супердемократическая вещь. Домохозяйки — главная сила в обществе, а каждый интеллигентный мужчина — в душе феминист!

ТАК упадет или нет к бархатному подолу Марии Арбатовой ее Париж?

За принципиальность и категоричность, скорость и меткость друзья-коллеги сравнивают ее перо со шпагой. А дуэлянты, как известно, часто добиваются своего...

Ну и плюс еще победы. В прошлом, 92-м году совет Кембриджского университета внес Марию Арбатову в словарь интеллектуалов, признав ее влияние на развитие культуры и одобряв профессиональный уровень. Чикагский театр «Органик центр» победил на театральном конкурсе с арбатовской пьесой «По дороге к себе». Из десяти пьес пять постановлены в России. Вышли две книги.

Магия всесильна? Беседовала Яна ЖИЛЯЕВА.